

Вопросы к семинару: «Владимир Маяковский и Марина Цветаева»

Автор:

Васина Юлия Владимировна, учитель русского языка и литературы высшей категории

*«Чтобы край земной не вымер
без отчаянных дядей,
будь, младенец Володимир:
целым миром володей».*

М. Цветаева

Готовили и проводили семинар сами ученики, члены литературного театра. Определили консультантов, «арбитров», ответственных за оформление класса, составили вопросы.

На семинаре парты поставили полукругом, сели группами вокруг консультантов.

Начался урок с выступления первого консультанта. Девочка прочитала стихотворение Цветаевой о Маяковском и рассказала о своем восприятии Маяковского: Цветаева помогла ей почувствовать Маяковского, потому что она доверяет поэту Цветаевой. Часто мы искусственно разделяем таких поэтов, как Цветаева, Пастернак, Маяковский, а поэт поэта всегда поймет.

Цветаева – ровесница Маяковского. Они схожи не только ритмикой и размером. Всякий, кто углубится в чтение стихов этих больших поэтов, почувствует родство, поэтическое родство. Родство не мировоззрений, не замыслов, а поэтической сущности.

Слушатели просили докладчика подробнее обосновать свое мнение, возражая, привели стихотворение Цветаевой «Вы столь таинственны, сколь незабвенны...» - похожего нет у Маяковского.

Докладчик развил дальше мысли выступления, привел факты (в 1922 году Цветаева читает Маяковского на литературном вечере в Берлине, переводит на французский его стихотворение «Сволочи», поддерживает Маяковского во время его выступления в Париже).

Второй консультант поддерживает мнение о близости творчества поэтов: привел ряд стихотворений, где это родство видно. Среди других приведено такое стихотворение Цветаевой:

*Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно слитых:
голод голодных и сытость сытых.*

Ребята заинтересовались: по какому поводу написано стихотворение? Ответить пришлось учителю: «Повод очень конкретный. Стихотворение написано в 1918 году. В Кунцевском приюте погибла младшая дочь Марины Ивановны от голода и равнодушия. Впрочем, ненависть к сытым подогревалась обстоятельствами в течение всей жизни поэта. И у

Маяковского враг – сытые, не ведущие угрызений совести, не слышащие стонов голодающих».

Выступление третьего консультанта:

«Она его чувствовала. Одинокого, громадного, сгорающего в костре невыносимой любви к людям, мечтающего о «человеческих воскрешениях» (читает стихотворение «Послушайте! Ведь если звезды зажигают...»). Тут ведь есть все. «Нет!» - грязи («плевочки» - напоминание о том, как грязна земля), обывательщине. Маяковскому хотелось кричать, не хотелось говорить привычным языком. Чтобы толпа оглянулась на крик. А иногда, чтобы быть понятным, надо было «плеснувши краски из стакана» грубо приблизить поэзию к человеку, «вобрать в стихи корявый говор миллионов».

Вступает в разговор снова первый консультант:

«Сейчас уместно поделиться с нами, как хорошо поняла Марина Цветаева Маяковского. «Маяковский начал с явления себя миру, с громогласия... Он стоял и орал, чем больше орал, тем больше народу слушало... пока не доорался до 150-миллионной площади всей России».

Помните – «Улица корчится безъязыкая»? улица нашла поэта.

Снова вопросы, возражения: «Это всегда было: мой Пушкин, мой Есенин. А здесь – Маяковский Цветаевой, субъективное отношение».

Отвечает третий консультант:

«Но ведь многим их нас Маяковский стал ближе через Цветаеву. Она пишет о его силе, мощи, о его нежности и ранимости, даже об одиночестве. Она согласна, что поэт – глашатай масс. Что можно возразить против таких строчек: «...мне видится время, где все такого росту, шагу, силы, как Маяковский... Так же в области чувствований, конечно, Гулливер среди лилипутов, совершенно таких же, только очень маленьких».

Дальше одиннадцатиклассники читали наизусть подготовленные к уроку стихи и кратко их комментировали: «Письмо Татьяне Яковлевне», «Письмо товарищу Кострову...», отрывок из вступления в поэму «Во весь голос».

Первый консультант говорит о личности Маяковского. Приводит слова Цветаевой: «Единственный выход из стихов – выход в действие... ритмика его – физическое сердцебиение – удары сердца – застоявшегося коня или связанного человека».

Учитель читает стихи Цветаевой, написанные на смерть Маяковского, Маяковского: «Люди! - любимые, нелюбимые, знакомые, незнакомые - широким шествием излейте в двери те...» Вот оно физическое сердцебиение». Обращает внимание на то, как Цветаева делит поэтов на «чистых лириков» неизменно в течение всей жизни. «Поэты с историей» слишком велики по объему и размаху, им тесно в своем «Я». Оно сливается с краем горизонта, становится «Я» страны, народа, континента, небесного свода». Это о Пушкине, Гете. А о Маяковском?

Ребята называют поэму «Хорошо», «Стихи о советском паспорте» и высказывают мысль, Маяковский – «поэт с историей».

Учитель продолжает: «Цветаева считает Маяковского певцом современности, который даже сломал стихию стиха, подчинив его

современности». «Брак поэта со временем – насильственный брак, – пишет Цветаева. – Брак, которого он сам стыдится и из которого рвется. Маяковский – каторжанин этого дня. Он его возлюбил: то есть поэта в себе превозмог».

Как вы относитесь к ее суждению?

Отвечает четвертый консультант: «Конечно, Маяковский сам говорил, что становился на горло собственной песне. Но « большое видится на расстоянии». На мой взгляд, более верны слова Цветаевой о том, что Пушкин с Маяковским, наверное, сошлись бы. А ведь пушкинское «Я» сливается с горизонтом, и «Я» Маяковского тоже сливается с краем «небесного свода». Он и сам верил, что придет «в коммунистическое далеко». Как и Пушкин: «приду невидимо и сяду между вами...» Цветаева сказала: « Враждуют низы, а горы сходятся. Обязательно бы сошлись».

Отвечает третий консультант: «На уроке звучали имена тех, кто шел своим путем, уважая талант и достоинство другого. А тех, кто «семенил», унесла река времени, они попали в избитое и тривиальное и др.»

Первый консультант рассказывает о том, что Маяковский перед отъездом Цветаевой за границу сказал ей: «Правда здесь». 7 ноября 1928 года в Париже в литературном кафе Цветаева читает Маяковского. Ей задали вопрос: « Что же скажете о России?» Она ответила коротко: «Сила – там».

Заключительное слово учителя. Читается стихотворение Цветаевой «Известий» и ее слова: «Мне весь Маяковский роднее всех воспитателей старого мира. Завод или площадь Маяковского роднее феодального замка или белых колонн поэтического Бунина. И эмиграция, не приняв меня в свое лоно, права. Она, как слабое издыхающее животное, почуяло во мне врага. Ибо, если сила всегда прощает слабости, то слабость силе – никогда. Ибо это для нее вопрос жизни и смерти».

Разве эти слова не говорят о том, что Цветаева, незаслуженно забытая на Родине, по сути своей всегда была настоящим человеком. Большим поэтом и патриотом? В главном они близки – в силе таланта, в восприятии жизни, в понимании добра и зла.